

«Просто захотелось повидаться...»

В эти дни Василию Шукшину исполнилось бы 75 лет

В 1981 году, будучи собственным корреспондентом журнала «Кругозор», я получил задание от руководства редакции встретиться с писателем В.И. Беловым и подготовить пластинку с записью его воспоминаний о В.М. Шукшине. Они были дружны 15 лет – вплоть до кончины Василия Макаровича в 1974 году.

Белов ненадолго приехал из Вологды в Москву – в «Молодой гвардии» у него выходила книга «Лад».

Первоначально и мой звонок в гостиницу «Россия», где он остановился, вызвал у него раздражение. Но я пообещал ему показать редкостную фотографию, на которой он был запечатлен вместе с Шукшиным. Это его заинтересовало.

Наш разговор начался с фотографии, на которой Белов заснят вместе с Шукшиным. Василий Иванович довольно долго молчал, разглядывая снимок. «Хорошая фотография, – сказал он наконец. – У меня такой нет». В его голосе не было просьбы – лишь лёгкое сожаление. Меня поразило, что знаменитый писатель не решается попросить в подарок дорогой для него снимок.

Автор этой фотографии Игорь Гневьевич разрешил мне подарить её Белову. Когда я ему сказал об этом, Василий Иванович как-то неожиданно, по-детски светло обрадовался.

– Эта фотография, – стал вспоминать Белов, – была сделана во время съёмки фильма «Калина красная» в нашей Вологодской области. Я тогда приехал к Шукшину в Белозерск. Просто захотелось повидаться с ним. У меня как раз вышла книга «Холмы», и я привёз её Василию Макаровичу в подарок.

Это было летом 1973 года. Мы тогда провели вместе целые сутки. Переночевал в деревне, где проходили съёмки. Посмотрел, как он работает в кино. Я не очень верил вначале, что Шукшину удастся использовать в художественном фильме, так сказать, натуральный материал. Помните, в «Калине красной» есть эпизод, где старуха, мать главного героя фильма, которого играет сам Шукшин, рассказывает о своей нелёгкой судьбе? Старших сыновей она потеряла на войне, а младший ушёл из дома и пропал. Так эта старуха не актриса, а обычная деревенская жительница.

В «Калине красной» эти смонтированные документальные кадры со старухой прекрасно смотрятся! Впечатление от них не менее сильное, чем от игровых.

Но вообще-то я не очень одобрял увлечение Василия Макаровича кинематографией. У меня с ним были большие споры из-за этого.

– Почему? Разве он не получил широкого признания у зрителей?

– Видите ли, мои симпатии тут не на стороне кино, – неожиданно жёстко сказал Белов. – Я считаю, что кино – это синтетическое искусство! В случае с Шукшиным оно, наверное, может быть настоящим искусством, поскольку он сам и автор сценария, и режиссёр, и актёр. Язык у него сочный, образный – он прекрасно знал народную жизнь. Но кинематограф наложил отпечаток и на его книги: у него обрывистые диалоги, живые картины, короткие динамичные рассказы. Конечно, это был феномен и в литературе, и в кинематографе. Но в

кинематографе, пожалуй, даже больше. Ему чужды были формалистические поиски, его новаторство в кино опиралось на крепкую народную почву. Он прекрасно знал, что и для чего хотел делать. Жаль только, что не всё успел.

Мы не могли смириться с тем, что в ней не остаётся молодёжи. Даже во время войны в моей родной Тимонихе проходили молодёжные гулянья. Тогда в сельской школе училось более ста человек, а до революции была ещё и приходская школа при церкви. А те-

Встреча двух классиков в Белозерске

– А как вы с ним познакомились?

– В 1959 году, когда я учился в Литературном институте имени Горького в Москве, совершенно случайно прочитал книгу Шукшина «Сельские жители». В этой книге мне всё показалось таким близким и знакомым. Как позже выяснилось, схожими оказались у нас и биографии. Наше детство совпало с войной, обоим довелось узнать голод и горе. С учением у нас тоже не сразу получилось – не было аттестатов за среднюю школу. После седьмого класса мне пришлось помогать матери растить пятерых моих братьев и сестёр (отец погиб на фронте в 1943 году), да и школа-десятилетка находилась за 60 километров от дома.

Потом у нас обоих была долгая военная служба: у меня – 3,5 года в войсках связи под Ленинградом, у Шукшина – почти столько же на Черноморском флоте. Ну и, наконец, на нашу долю выпало много всяких «приключений», прежде чем мы занялись литературным трудом.

– Кто поддержал ваши первые шаги на литературном поприще?

– Первое моё стихотворение поместил журнал «Звезда», когда я ещё служил в армии. Потом мои стихи опубликовал журнал «Молодая гвардия». Там же я напечатал и свой первый очерк, когда впервые приехал в Москву в 1957 году. Первая моя повесть «Деревня Бердяйка» в 1961 году вышла в издательстве «Молодая гвардия». Это издательство двумя годами позже выпустило шукшинскую книгу «Сельские жители», которая мне так понравилась.

Меня особенно поразило сходство наших взглядов на деревню.

– А в чём конкретно совпали ваши взгляды на деревню?

– Она разорвалась на наших глазах.

перь в Тимонихе вообще школы нет – некому учиться! Осталось всего шесть домов, где живут одни пенсионеры!

А ведь это старинная русская деревня. О ней впервые упоминается в переписи за 1623 год. Она проводилась во время царствования Михаила Романова, вскоре после польско-литовского нашествия. Тогда была сожжена Вологда и сотни деревень на пути к ней из Москвы.

Причём надо признать, что опустошили русскую землю не только захватчики, но и всякая отечественная шпана, которая примкнула к ним, – воры, пьяницы и самозванцы. Их не пустили в Троице-Сергиеву лавру, тогда они хлынули на Север и стали разорять беззащитные крестьянские хозяйства. Так что одни русские сложили свои головы, как Иван Сусанин, не покорившись врагу, а другие охотно служили полякам проводниками, чтобы поживиться вместе с ними чужим добром.

Тимониха, судя по переписи 1623 года, была одной из многих деревень, спалённых в Смутное время. Но она наверняка существовала и в XVI веке, при Иване Грозном. А теперь у нас почти по всему Нечерноземью примерно как после польско-литовского нашествия. Тысячи старинных русских сёл исчезли или исчезают с лица земли...

Я подтвердил эту горькую мысль Василия Ивановича Белова фактами из своей недавней командировки в Нижегородскую область. Там, в колхозе имени Ленина, где чудом удалось сохранить хохломскую роспись, бывший учитель истории показал мне с бугорка три заброшенные деревеньки: Малое Сиськино, Большое Сиськино, а между ними Бядуны. В Бядунах ещё оставались две старухи: одна держала козу, другая kota. А всех остальных жи-

телей переселили в соседнюю деревню Ленино. Районное и областное начальство не посмело считать её бесперспективной, хотя прежнее название этой деревни было не менее неприличным – Лежапёрдово!

Василий Иванович от души рассмеялся. Он признался мне, что подобные безобразия в названиях деревень встречаются и на Вологодчине. Свою первую повесть «Деревня Бердяйка» он также был вынужден «переименовать» – поменял букву «П» на «Б». Беспорочность жизни скривилась озорством. Оно как бы приподнимало русского человека над его нищенским существованием. Ведь недаром сказано в Библии: «Для весёлого сердца всегда пир!» Василий Иванович тонко подметил это в собранных им вологодских юморинках-бухтинах, которые очень нравились Шукшину.

– Как же вы всё-таки познакомились? – снова спросил я, поняв, что слишком отвлекся от главной темы разговора.

Улыбка сошла с лица Белова, но потом снова сверкнула вызывающе ярко:

– Мне пришлось спасать его от милиции. Спустя месяц или два после моего восторженного письма Василий Макарович зашёл в студенческое общежитие Литературного института к своему знакомому, приславшему ему сценарий. От него случайно узнал, что в этом же общежитии живу я. Кто-то из моих сокурсников посту-

чался ко мне и назвал номер комнаты, куда меня просили зайти. Я увидел незнакомого мне человека, совершенно, так сказать, не пижонского вида. Он скорее был похож на солдата или грузчика, чем на писателя или режиссёра.

Шукшин тогда работал над фильмом «Живёт такой парень». Он запомнил моё письмо и захотел со мной поближе познакомиться. К этому его побуждало ещё одно обстоятельство: его преследовала милиция, так как у него не было тогда постоянной прописки в Москве. Я предложил ему переночевать в моей комнате – соседняя койка как раз была свободной. Так мы прожили рядом целую неделю.

На Алтае я уже без него побывал. Посмотрел шукшинские места, пошел на берегу Катуня, которую он так любил, встретился с его матерью и родственниками. Он для матери незадолго до смерти купил новый дом в своей деревне и сам починил в нём крыльцо и террасу. Теперь в этом доме музей Шукшина, а вот дом, где прошло его детство, к сожалению, ещё не взят под охрану.

В 1974 году Шукшин собирался приехать ко мне после завершения съёмки на Дону – там он играл одну из главных ролей в фильме «Они сражались за Родину». Ему так не хотелось в тот момент сниматься, но пришлось! Он мечтал вырваться хотя бы на несколько дней на простор, и я ждал его с нетерпением. И вдруг звонок: съёмки закончились для Шукшина трагически...

Пластинка с записью беседы с В.И. Беловым не вышла в «Кругозоре». Руководство журнала посчитало размывления Владимира Ивановича о судьбе русской деревни «неинтересными для читателя».